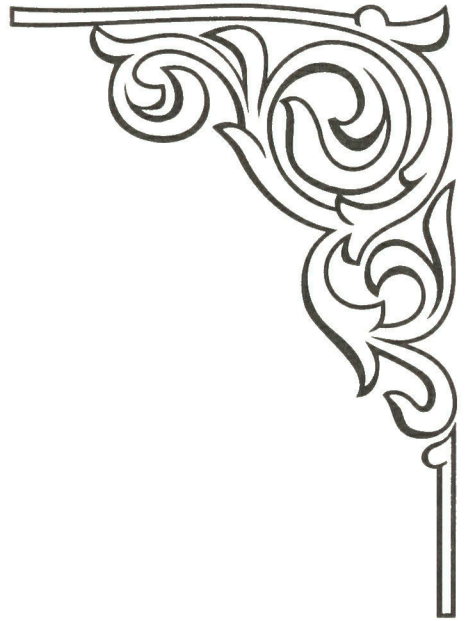

КОНСТАНТИН КАРНЫШЕВ

РОДОВА

РОМАН В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ

РАСХОЖДЕНИЕ ДУШ

КНИГА ПЕРВАЯ

НИЗОВСКИЙ БУНТАРЬ

1

Такого еще в Низовке не случилось. Николай Николаевич Каравайкин, позвав к себе односельчанина Дмитрия Гоношилова, потребовал, чтобы он отстрогал ему гроб. Да побыстрее, ждать ему больше никаких сил нет. Пока в здравии, хочет взглянуть на свое домовище. Дмитрий стал отказываться: при живом человеке он не возьмется за такое печальное дело. Николай Николаевич не унимался, настаивал на своем, говоря, что гробы нынче мастерятся шаляй-валяй, в них и помещаться-то нету никакого интереса. Могут короче тела сколотить. И тогда или ноги в коленях сгинай или вырезай в задней стенке дыру. Разве не учинялись такие фокусы? И про твое желание не спросят, засунут в такой вот ящик и лежи не плавай, крючься, знают: приговорен ты к молчанию, возражать не будешь. И в этой утесненной, корявенькой домовине, подвеселенные крепенькой, низовские мужички оттартают тебя без слез и причитаний на бессрочное проживание.

– Ты же в полном порядке, Николай Николаевич,– упорствовал Дмитрий.

– Все свои дела на этом свете я закончил. Чего-то, если не могу повернуть в нужную сторону, не моя тут вина,– отвечал ему Каравайкин. – Вконец мы одичали от разных переделов в жизни, заморочили головы, что нынешняя придушка – это и есть то самое, самое. После этого-то и привалит так долго ожидаемое всеобщее благоденствие. А у меня теперя вся надежда, Дмитрий, на твой гроб. Сварганишь ты его мне тепленький, глядишь, и отогрею я свои косточки, застуженные на Северах. Одна дорога передо мной выстелилась – на погост. Зиновья там меня заждалась. Услужи старику.

– Дедушка!.. Тятенька!.. – возглашала на старый манер плаксиво невестка Груша о завихрениях Николая Николаевича. – Что же ты с нами делаешь? С какими глазами мы должны ходить по деревне.

– Как ходили, так и ходите,– вразумлял он невестку. – Кто не знает, что никогда, ни в чем не притесняли вы меня. Это я вас изо дня в день строжил: так поступайте, так делайте. Печенки ваши насквозь проел.

Глаза у Груши большие, круглые, печальные, всегда готовы пролиться слезой. Душа жалостливая, добрая. Изводилась она и места себе не находила из-за непоседливости, какой-то беспокойной суетливости, нетерпимости к бездельности Николая Николаевича. Если бы он посиживал на уличной лавочке, заводил разговоры с прохожими, пораньше укладывался на лежанку, тогда Грушино сердце не знало бы раздирающей тревоги за него и сама бы она не стояла на грани обморока в ожидании стариковской какой-нибудь беды. И все же боялась она, жила в страхе за Николая Николаевича, сильнее всего из-за угрозы, когда он пообещал домашним, что доберется, если не на ногах, то на брюхе до Моршанки. Нет такой власти над ним, которая бы его удержала.

Сколько он бился над тем, чтобы вернули ему родовой дом с усадьбой. Зиновья и года не пожила в нем. Времена уже пошли другие. И все равно были исписаны вороха бумаг. Да и в Низовку вернулись они не сразу. Всю жизнь старательскую Николай Николаевич поджидал, что за ним придут, когда дознаются, кто он такой, как оказался в этих холодных краях. Долго жили на железнодорожном полустанке, свыкаясь с переменами. Оттуда вывезли кроткую плакальщицу Грушу в Низовку.

– Тятка! Дедушка! Ну зачем тебе эта Моршанка? Давно она уже ничья. Неужто нельзя от нее отвыкнуть. Да выкинь ты ее из головы.

Дикой и ненужной затеей казалось Груше это стариковское желание вернуть в свое хозяйство давно отнятую Моршанку. О ней она слышала еще на полустанке. Но тогда разговоры об этом были для Груши совсем далекими и досадно ненужными. Расхваливалась она на все лады: и такая и такая. Какое-то святое место. Молиться надо на него. Спасала Моршанка Каравайкиных от голодовок. Ягодой, рыбой в озерцах баловала. И ездили-то на нее, как на праздник. И как бы забывалось, что и здоровья она повытянула своей ледяной водой из Каравайкиных, ой, ой сколько. Обувку-то жалели, лишний раз старались не надевать ее, чтобы не размачивать кожу.

Не слушал Грушины вопли Николай Николаевич. Сердился, днями молчал. А у Груши с Андреем сердце не поднималось выпускать его из дому. Это туда и обратно надо отшагивать какие не мерянные километры. Даже здоровые ноги не выдержат такой ходьбы. С какой-то постоянной чуть ли не болезненной страстностью нагораживали они о Моршанке разную быль и небыль. По ним она выглядела самым гиблым, душным, зараженным гнилью и протухшей водой местом. Груша и Андрей не знали преж-

ней Моршанки. Возили их туда тушить пожар. Горели торфяники в переле-сках. Приехали с черными, замазанными сажей лицами, с угрюмыми гла-зами. Нигде не увидели той Моршанки, о которой им уши прожужжал Ни-колай Николаевич. “Незрячие вы, не туда глядели, если она вам ничего не сказала”, – горячился он. Ему было не по себе, когда ославляли его Мор-шанку. Тяжелым камнем ложилось в душу Николая Николаевича каждое недоброе слово о ней. Чужая была для Андрея с Грушей Моршанка. Не лю-били они ее. Не видели в сенокос, не знали светлой, прогретой, чистой и ухоженной, с терпким запахом привядшей травы.

2

Всю ночь его допекали тяжелые, мучительные сны. Были они об одном и том же. Будто смерть пришла за ним, устроилась в ногах и стала ждать своей доли, а жизнь заупрямилась, не соглашалась с нею, талдыча этой безжалостной лихоманке, что не отдаст старика ей на уморение. Чем кон-чилась между ними перебранка, он так и не доглядел, на самом важном месте, когда оскорбленная смерть, стучая своим заступом, вскрикивала, какая она неутомимая работница, днем и ночью в трудах хлопочет не зная отдыха, и пришла в этот дом не просто так, ни с того ни с сего, а по согла-сию, что ее здесь ждали, даже о домовище заранее начали думать, Нико-лая Николаевича вырвало из забытья злым, затяжным зыбанем в груди. Неладно вышло, всех разбудил. Зашевелились в постелях внуки: Валериан с Мотькой. Прошлепал к фляге с водой, что-то бурча под нос сын Андрей. Чуть позже невестка Груша крадучись пробралась к часам. Вынесла их к окну, чтобы стрелки разглядеть, белея исподним в ярком лунном свече-нии. Поставив часы на комод, она подошла к лежанке. Николай Николае-вич замер под одеялом. Никакого разговора с Грушей ему сейчас не хоте-лось вести. Снова начнутся невыносимые душу рвущие рыдания.

– Худо тебе, отец? Кашляешь и кашляешь, остановиться не можешь.

Николай Николаевич молча, но резко култыхнулся под одеялом, чтобы Груша поняла, как она ему мешает. Лежанка громко скрипнула иссохшим деревом. Ночной дом с азартной готовностью подхватил и разнес по всем комнатам эти звуки. Поддержав длиннополую рубашку, приглушив всхли-пы, Груша пошла в спальню. Растянув во все лицо рот, глубоко вздохнув, прилегла на кровать. Теперь будет ждать, когда он уснет, прислушиваясь к его дыханию. Николай Николаевич, чтобы обмануть ее, стал усиленно со-петь, даже что-то приборматывать.

Разбудила его большая розовая луна, занявшая почти полностью окно своим огромным кругом. Ему показалось, что все около него охвачено огнем. Он открыл глаза с застрывшим в горле криком. Голос был сиплый, ослабший. Так сильно его надсадило долгое голошение. Весь ужас его страшной и срытной жизни в вечном ожидании сегодня или завтра, ночью или днем придут за ним – выразился в этом безумно-нелепом сне.

Николай Николаевич выждал, когда дом успокоится. Спустил ноги с лежанки, нашарил под нею валенки с укороченными голенищами, надел их, попереступал, утверждая половчее ступни. Шел он по двору, чуть нагнувшись вперед, проталкивая свое тело через упругий от ветра воздух. На середине ограды остановился, чтобы оглядеться и привыкнуть к вихревому свею. Посидел на дровяной чурке, недовольно оглядывая пожижевшую поленицу.

На востоке уже понемногу отбеливало. Утренний рассвет набирал крепость. Пододвигался к куполу. Накопившаяся в низах сумеречь, заметно редела, проясняя выбоины, углы и щели. Скрипнула избяная дверь, на улицу вышла с подойником Груша. Она раньше всех соскакивала с постели. Николай Николаевич спрятался за угол избы. А чтобы Груша не заметила его, пригнулся за кустами смородины. По-утреннему испуганно обо что-то ударились дужка подойника, обдав звоном ограду. Он подумал, что больше всего хлопот доставляет невестке. Это она неусыпно, приговоренно с утра до вечера истязает себя тревожными мыслями, почти что о чужом ей старике, давно глядящем в могилу. Весь дом на ней держится. Обо всех она печалится. Как у нее на это сердца хватает. Он не сдерживался, кричал на нее: «Ты почто такая? Совсем не бережешься!»

Потихоньку из своей засидки Николай Николаевич перебрался в сарай, устроился с кряхтеньем на верстак. На седалах заклохотали куры, оповещая вызревающий день о своем пробуждении. Скоро будут спускаться вниз. Разведут тары-бары на весь двор. За стеной сарая в стае тоже наладились дела. Как всегда корова Зорька за дойкой подремывает. Сон у нее с ноготок: медленно сдвинет веки, немного подержит их закрытыми – тем и довольствуется. Может, говорила своей вечной бессонницей, что человеческим спаньем ей некогда заниматься, работы у нее всякой невпроворот. А тут еще благодетельница наконец появилась возле нее, и Зорька совсем растаяла. Между коровой и хозяйкой устанавливается полное согласие. Груша всякими речами ее ублажает. А Зорька, как будто в благодарность за внимание к ней беспрепятственно молоко отдает. Николай Николаевич вслушивался, выставляя ухо к сараю, как со звоном колотится струя о дно

ведра. Он и вышел-то, чтобы поглядеть на утро. Что-то начал залеживаться. И свои поругивают: "Ну что тебе, дед, не спится?" А он чувствует, как у него слабнут силы. Николай Николаевич как бы через стену видел белый луч, летящий от сосца вниз и ударяющийся с поуркиванием в молочную пенную шапку. И словно вместе с ним в его тело вливалась вся круговерть жизни, от которой до самого смертного часа не отвыкнешь и не отойдешь.

Кто-то крепко у него похозяйничал в сарае. Каждому инструментишке он находил там свое место. А теперь, как будто чья-то бесшабашная голова расшвыряла, как попало это добро. Полная неразбериха царствовала на верстаке и на полках. Николай Николаевич запокашливал, глубоко завдыхал, не досчитавшись самодельных гвоздей. Целую неделю он выдирает их из старой лодки, наполовину затянутой илом на берегу речки. Если вогнать этот гвоздь куда-либо, то он будет там держаться до самого износа доски или столба. Изгниет, иструхляеет дерево, а ему и горя мало, не шелохнется в своем гнезде. Только с виду гвоздь кажется неказистым – в заусеницах, с неровной шляпкой, с треугольным рыбьим телом, зато в деле самый надежный. Уж так свяжет и стянет одно с другим, стоять тому в этом единении, неразрывности долгие годы.

Вышел он из сарая сильно поскуцневшим, сердито пыхтящим. На все поглядывал с хмурым раздражением. До того, как протянуть руку к заложке ворот, выхватил глазами учиненную кем-то несправедливость. Колышки, которые держали подворотню, были сломаны. Зачем нужно было проезжать прямо по доске? Везде он отыскивал теперь неладное: там погнуто, здесь побито, тут порублено. "Не знаю, не знаю, в какую сторону у вас пойдет жизнь без меня", – подумал он сокрушенно о своем семействе.

Шлепая корову по заду и покрикивая, Груша прогнала ее из стаи за ворота. Николай Николаевич опять схоронился в сарае, выжидая, когда она соберется на скотный двор.

– Не балуй, не балуй, – заворчал Николай Николаевич обиженно, думая, что это Андрей сгреб его за пиджак и потянул к дому, когда он вышел на середину огады. Опять стрекулист сын затеял с ним ненавистные ему, проклятые охранительные игры. Груша его подговорила пасти старика, никуда не выпускать, как будто он малое дитя. Уже наладился выговорить Андрею: силы тебе некуда девать со старым отцом шутки шутить вздумал... Видать, медленно у него стал поворачиваться ум, если за чью-то шалость принял закрутившийся воронкой ветер. Как же долгая-то лежанка на нем отыгралась. Стал он путать одно с другим.

Так и стоял Николай Николаевич посреди ограды, отыскивая в себе что-то утерянное, без которого он не он. И на голос Андрея не отозвался, принимая его как что-то стороннее, не относящееся к нему. Андрей попытался ухватить Николая Николаевича за локоть, он увернулся.

– Отец? – все же поймал его Андрей, затягивая на крыльцо. – Я гляжу на топчан, а тебя там нет. Всякие нехорошие мысли в голову полезли.

– Чего меня искать, я тут... – вскинул Николай Николаевич неприветливое лицо на Андрея.

– На реку собрался? Так иди, открывай или закрывай свои затворы-задвижки. Уже давно она сиротствует. Совсем запустили речку-то едва, она выстрачивается в большую воду. Если замрет, как тогда? Выстынет, оскудеет жизнь в Низовке без сквозной речной течи.

– Отец!.. – потянул его снова на крыльцо Андрей. – Нельзя тебе на ветру...

– Кто это сказал нельзя? – разом налился угрюмостью Николай Николаевич и обхватил руками стойку. – Ну, убивайте, убивайте старика... Я давно вашу хитрость с Грушей разгадал. Спите и видите, чтобы днем и ночью отца в постели держать, чтобы света белого не видел он.

– Спасем, спасаем тебя, отец! – запылали глаза у Андрея. – Чтобы пожил подольше. Ты же наша стенка. Как без тебя-то мы? Кто нас защитит?

– Умру здесь, но не сойду, – упрямылся Николай Николаевич. – Ты же знаешь, что я себе постановил одно задание. Должен его совершить. Не мешайте мне. Я виноват перед богом, что после побега из Низовки не сходил на Моршанку. Полвека она ждет своего хозяина.

МОРЩИНЫ ЗЕМЛИ

1

Пока он выбирался из ложбины на дорогу, все вокруг него поблекло и посерело. Солнце потеряло круглину и походило на давленное и размазанное по небу пятно. До покосов нужно было еще идти и идти. Ни на какую попутку Николай Николаевич не стал садиться. Если и приглашали его, он раздраженно отмахивался – нет и нет, на своих скоростях дотянет, эти колеса самые надежные. В той стороне, куда он поспешал, по краю неба уже кучными ворохами переваливались облака, прихваченные по бокам чернотой. От них спускались вниз темные тени. Все-таки неспро-

ста из Моршанской пади со свистом вырывался обломный, с диковатыми замашками ветер, суля погодные перемены. Как будто держали его где-то взаперти, случайно выпустили, вот и стал он очертя голову кидаться на него, почти сбивая с ног. Трава сухо скреблась об обутки.

Заглядевшись на небо, пытаюсь разгадать, что там сулилось, добром не могли кончиться зловещие затеи, Николай Николаевич неловко оступился, отклонившись вбок от дороги. Оказывается, он стоял в ложбине ручьевого русла. Только вода нигде не показывалась. Куда же она затерялась? Ведь он помнил здесь ручей еще живым. Со звоном ломалась его струя на небольших перепадах, и он прихватывал ее губами. А то, поставив ладони корытцем, отпивал воду бережными глотками. Теперь и берега у него совсем обмялись, стали пологими. И трава выросла на закрайках жесткая, без той едкой зелени, от которой рябит и режет в глазах, когда на нее падает солнце.

Ветер сделался еще горячее и ретивее. Бился в спину, в бока короткими сильными толчками. Казалось, что перед каким-то своим последним часом природа отдавала себя разгулу стихии. Скоро задрожит воздух от суматошных гулов и раскатов. Небо и земля сомкнутся в одно черное тело. И всесильный управитель будет их резать огненными лезвиями на краюхи, прокалывать насквозь кривыми жалами. В пояснице у него снова задребезжало. Что-то сдвинулось там, и суставные кости вздумали артачиться, мешая ходьбе. А в чем его грех, что такое он сделал? Шагнул не туда? Молодечество свое вздумал показать? Вот и погрозили ему: сильно-то не своевольничай. А разве всю жизнь он не осторожничал? Целые годы носил в себе страх. Вдруг дознаются, что он беглый, и арестуют. А тут-то, тут-то... Казнить болью за один шаг в сторону от дороги. Пригнать его за какую-то пустяшную промашину. Не согласен он с этим наказанием. Принудит свое тело к послушанию.

Трудно, с раскачкой, с напряжением разогнул он спину. С пристальной внимательностью прислушался к себе: где у него еще разлаженно стучит и поскрипывает... Обжившись с прямой стойкой, сделал один шаг, второй – тело теперь перестало возражать, соглашалось с тем, что он ему предлагал, перейдя на более уверенный, податливый шаг.

Этим не очень бойким проскоком миновал он перелесок, отгораживавший хлебное поле от покосов, держа наготове ладошку для того, чтобы зорче вглядеться, если кинется в глаза какая-нибудь луговая или лесная неопрятность, когда не досчитаешься того или этого, и уже покажется,

будто что-то самое близкое потерял... А ведь сам брал из него что-нибудь нужное для хозяйства: то для вил вырубал березовую кривулину, то отыскивал тонкомер для граблей – и под корешок его. Себе тогда он ни в чем не отказывал, Глаза все равно с такой тревожной беспощадностью не вылавливали лесные убытки. Сейчас перед ним была другая держава – покосы. Боязно отвилиться, пустить под ноги стебли. Трава здесь не выглядела замученной, как вблизи Низовки возле большой дороги, где машины лихоматом куда-то несутся. Смотреть на нее, рослую и статную, одна радость, как-будто в этих местах не то же самое солнце, не та же самая земля. Понравилось ему, что покос заслонен от хлебного поля перелеском. И не топчет его лишней раз чья-нибудь досужая нога. Что тут людям делать до косьбы. Скот тоже не допускался. Он пасется за речкой – на своих привычных кормных полянах. Берега его лохматились зарослями тальника и вязов. Вода в речке прижалась ко дну. И выше ей уже не подняться из-за полного оскудения. Слева от речки куском темнел ельник.

Бездожде даже не воспрепятствовало выдобреть траве. Как же она обманула суховейное небо? Не все тому безраздельно свою волю показывать. Земля взяла и что-то повернула по-своему. И лишь подивисься ее причудам. На радость всему живому такой сырью ложбину напитала, что травы вымахивали здесь на загляденье. Вот он и поглядел на добрую траву. Даже усталость и ломота отошли. Он еще толком не умел ходить, а его уже брали на Моршанские покосы. Не помнит даже, когда первый раз в руки попала литовка. Рано отец стал его приучать к косьбе. За какую-то взрослость называл сына по имени отчеству, так и утвердившемуся за ним. Не на этом ли бугре возле речки стоял их балаган с хорошо ему знакомой старой березой? Кора на ней давно потрескалась. Только наклонившийся в черных бороздах ствол молодо полыхал листвяной вьюгой. А, может, вовсе не эта, а другая была береза? Та от возраста давно могла упасть. Сколько годков-то миновало с тех пор...

На последний сенокос они ездили вчетвером – отец, мать и он с Зиновеей, не зная, что той же осенью все у них отберут: и пашню, и покосы, и дом, и скот. С концом забарабают отца, мать повесится. А они с Зиновеей сбегут из Низовки. Всякой жизни хлебнут. Наживутся на Колыме. И мысли не было у них в голове, что когда-нибудь вернутся обратно. Несбыточным это казалось. Как бы ни вела себя сейчас природа, все равно не смогла бы она приглушить ту Моршанку, которую он исходил в обутках и без обуток вдоль и поперек. Выезжали на покос по утреннему холодку. Каур-

ка запрягался в телегу-одноколку. Отец с матерью садились на скамейку в передке, он с Зиновеей – в задке. Каурка сыт, ухожен, статен. Легко несет телегу. Переваливаясь с боку на бок, она весело гремит на ухабах. От самого двора Каурка переходит на рысцу. Отец с вожжами в руках. Просто для вида поднимает их над Кауркиной спиной. Голова у него покрыта старой фуражкой с обвисшим козырьком. Есть у него и другая праздничная с высокой тульей. Надевает он ее по особым дням. Взгляд живых серых глаз у отца направлен прямо, поверх скачущей Кауркиной дуги, высматривая там, в далекой дали что-то одно ему ведомое. Мать тонкая, жилистая, в низко повязанном ситцевом платке. Глаза быстрые, сияющие. Молча чему-то улыбается. К белым мочкам ушей у нее приткнуты, сделанные под жемчуг пупырышки-сережки. Снимет она платок и такая волосяная густота обнаруживается на голове. На затылке волосы сведены в огромную, тяжелую шишку. Знала ли она счастье? Чему мать радовалась по дороге на Моршанку, если ждал ее нелегкий покосный день?

Отец становился впереди. Он сам вел прокос. Разворот-замах делал в полное плечо. Трава ложилась ровными рядами. Боязно было отставать от него. Косили в нижних рубашках. Наверху раскаленное солнце. Оно не остывало до самого вечера. Он поджидал, когда отец вытащит из-за голенища оселок и примется править лезвие литовки, и можно передохнуть. Мать с Зиновеей переворачивали подсохшие валки. А готовое сено сгребали в копны. Возвращались с покоса в сумерках. Возле ворот уже мычали коровы, визжали свиньи: заждались хозяев. Возле подворотни с громким кудахтаньем возились куры, вытребывая корм. И как только они спускали с телеги ноги на землю, вся эта орава кидалась с суетливой расторопностью к ним. Кто пытался грызть широкой зубастой пастью обувь, кто сильно и жадно колотил клювом по ней, оставляя пометные следы. Незаметно надвигались густые сумерки. Николай Николаевич с Зиновеей уводили Каурку на выпас на Бугры. Там стреножили его. Отец усаживался на середине сарая и при свете жирника отбивал косы. Мать гоношила еду в кути. Зиновеея принималась за дойку коров. Ужинали глубоким вечером. Сразу же валились в постель. Ночь с хорошими и не тревожными снами пролетала одним мигом. Может быть, это и было у всех у них тогда самое счастливое время? Утром еще до солнца успевали прибраться в доме, накормить скот, выгнать его со двора. Свиньям и курицам что-то приготовить на день.

Дорога все ближе поджималась к речке. Как могла, она оберегала покосы. Не ко времени он вздумал радовать себя. Чьим-то тракторным тракам

эта ее свободная жизнь пришлось не по нраву. Не хотели признавать они колеи. Два гусеничных следа уходили к бугру. Раньше он его здесь не примечал. Там всегда ставился второй балаган. Да и самой поляны не было. Сейчас она лежала с перевернутой дерниной. Из нее уже острым пером вылезала трава. Он попробовал ее переверачивать, но быстро задохнулся. А когда огляделся, то увидел, что глубокая канава разрешила часть покоса напополам. На дне ее желтела глина.

Какая-то мутная волна подкатила к его глазам, добралась до груди, а оттуда перескочила в ноги и в руки. Разом зыбнулся перед ним весь небосвод, пошатнулась равнина земли. Он расставил широко ноги, крепко уперся в глинистый срез ступнями. Постоял, не шевелясь, чтобы подкопить силы. И снова нагнулся. Дернина как будто приклеилась к земле, не хотела отслаиваться, рассыпалась в ладонях. Укладывалась она неровно и не плотно, очерстев до омертвелости без доступа почвенных соков. Трава по низу пластушин выбелела, червячно извивалась, выискивая проход из своих темнин. А потом бросила это безнадежное занятие, уже свыкнувшись с этой новой своей участью, покорившись железной силе. Но оставить Моршанку такой же, какой он ее застал, Николай Николаевич не мог. Неприбранность, растрепанность покосов угнетала ее, мучила. Это и подстегивало.

Вскинуть голову вверх Николая Николаевича заставила обозначившаяся тень на земле. Она надвигалась прямо на него. Сперва Николай Николаевич даже не принял тучу всерьез, небольшой заплатой вычернившей небо. Как и другие, похожие на нее, коршуном пролетит она дальше, на прощание, помахав крыльями. Едва успел он перевернуть с дюжину пластушин, как весь горизонт забрало в плотную тьму. Воздух вокруг него сжался, стал сухим, душным. Перестали гомонить птицы. Только комары осмелели. Зыбким облачком качались над головой, жаля немилосердно. На отвердевшей колее, ссохшимися в камень гребнями, лежал слой жирно-мучнистой пыли. Проревевшая над ним и ушедшая на запад туча, вдали как-то вдруг ожила. Заметно раздобрев, закрыла солнце. В этой ее хмурой угрюмости было что-то зловещее. Пока он ее разглядывал и прикидывал, какой у тучи будет конец, из нее выпорхнула косая огнистая щель. И сразу же из этого ветвистого раздвига выплеснулся длинный сухой треск. Он прошел из края в край, простукивая и сотрясая небо и землю страшной дрожью, как будто испытывая их на прочность. По лицу Николая Николаевича ударили редкие капли. Но так все там торопилось,

не хотело ждать, что после робкого, несмелого зачина, бойко посыпало густым дождем. Измаявшись от зноя и жажды, земля со всеми своими обитателями радостно раскрывала объятия, ненасытно, жадно пила влагу. Николай Николаевич с молодой задористостью, забыв о годах, высоко задирал руки, бормотал: " Ну, давай, давай... Заждались мы тебя миленького..." Небесные вершины без промедления откликнулись на его просьбу-мольбу. Шире и шире открывали врата, обрушивая на низы целые ливневые потоки, накопившиеся за суховейное время. Прогретый недавним горячим солнцем воздух еще не успел остыть, и дождевые стрелы, почти отвесно пронзающие его розоватую при грозовых вспышках разверстную пасть, совсем были теплыми. Николаю Николаевичу даже захотелось скинуть с себя одежду и остаться оголенным: безумное желание иссохшего истосковавшегося по свободе тела. Он не стал загораживаться от дождя, хотя и сильно секло. И готов был низко кланяться сегодняшней разгулявшейся непогоде. И покос тоже отвечал веселым и трепетным шелестением на буйство водяной сечи, расчесавшей разнотравье, как по чьему-то заказу, на аккуратные проборные космы. Колкие пики дождя били теперь прямо по корням. Николай Николаевич с трудом вытаскивал ноги из раскисшей земли. Изрезанный проточинами проселок быстро заполнялся водой. Бешено мчась вдоль пробитой колесами колеи, в ямах и рывинах она сбивалась в пенные круги. Напитавшись дождем, одежда коробилась, горбило спину. В нем неожиданно вызрело страстное желание воздать похвалу дождю. Измучилась земля в ожидании его. И вот он разразился, испестрив воздух обильными ливневыми потоками. И вместо того, чтобы повернуть назад, поближе к домашнему теплу, он шел в ту сторону, откуда выползли тучи, как бы навстречу грозовому беснованию. И совсем не просматривалось, что скоро это почти вселенское обмывание земли уймется. Непогоде выдохнется. И все равно ноги несли Николая Николаевича вперед, где сплошной стеной стоял водяной мрак, как будто тело источенное сухотой, жаждало поскорее погрузиться в его грустную непроницаемую пучину.

Понадеявшись на прочное солнце, он вышел из Низовки налегке. Теперь пожалел об этом. Притаившейся в междугорьях и уставшие играть в прятки, большой кучевой стаей тучи выползли из теснин на просторы и до отказа заполнили собой небесный свод. Уже нигде не просматривалось свободного места. Черные вороха их в разных концах дико вспарывали молнии. Не привычна была глазам эта новая Моршанка. Разнолесье, оторочивавшее раньше по всему кругу покос, кто-то постарался свести

под корень. Веселившие душу и украшавшие поляны травы и цветы – самая сладкая коровья еда – ушли в небытие, как будто чего-то забоявшись, и вместо себя оставили низкорослую, с грубыми, деревянистыми стеблями жесткую поросль.

Что надо посмотреть, он посмотрел. Но черный бес толкнул его за шагнуть на не очень высокий взъём дороги. Ноги Николая Николаевича оскользнулись и разъехались, туловище шатнулось. И он повалился на землю. В груди у него что-то сместилось. Обрушившийся кашель мешал наладить дыхание. Елозя по жиже локтями и ладонями, он попытался подняться. В кости вошла окоченелость, обручами связывая тело. Дождь, вытянувшись в длинные, четкие проволоки, хлестал не переставая. В глубокие морщины шеи и лица набивалась вода. Застаиваясь там, она лезла в глаза и ноздри, ослепляла зрение. Не явился ли он сюда за смертушкой? Все подгадало в природе, чтобы в этот несчастный и счастливый день, когда он приковылял на покос, послать с небес на его голову беспощадный дождь, опрокинуть старое тело в грязь. Что он слышал в Низовке о Моршанке, то и увидел. Покос горел лишь вблизи калтуса. Здесь дно его было торфянистым. И что они сделали, укрощая пожар: прорезали до глины поперечную канаву там, куда огонь никогда бы не добрался. А в местах, где затронул покос, так по-сатанински исковеркали его – глаза бы не смотрели. С литовкой к нему не подступишься. На каждом шагу бугры и ямы. По давней привычке Моршанку он принимал за свою. Все тут ему до боли было знакомо. Мог он отличить вновь выросший травяной стебель или кустик от старого, потесненного им, что бы ничто не мешало пришельцу вольно раскидывать свои ветви, разукрашивать лепестки в разные цвета и оттенки. Кто-то из них возрос их семени, занесенного сюда бог знает как, кто-то из корешка, пролежавшего в покое сколько-то лет, но вдруг спохватившегося, а не хватит ли лодырничать, и закрутилась – завертелась в земле не видимая взору жизнь а потом выказалась какой-нибудь удивительной травкой... Ну не радостно ли, не забавно ли было открывать собственными глазами причуды природы.

Сердце у него заболело, когда услышал о пожаре на Моршанке. Подладил ноги и поспешил сюда. Радости не получил. До чего доведена земля, до какого разорения. Над головой оглушительно ударило громом. Он подождал, пока зрение, ослепленное яркой вспышкой, не привыкнет к дороге. К обуткам густо налипала глина и никак не отполаскивалась. Ноги не хотели слушаться. Поднимал и переставлял он их с дрожью. Воротник ру-

бахи расстегнулся. Задубелые пальцы не могли ухватиться за пуговицы. Да и где найдешь сейчас у него сухое место. К телу льнула холодная сырость. Дышал он шумно, запаленно. Порывы ветра были беспорядочные, дикие. Налетал он с разных сторон, кидался в лицо, в уши сгустками дождевой воды. Николай Николаевич так и не сумел приноровиться к нему. И резал его собой напролом, чуть наклонив грудь вниз. Пахло дымом, паленым мхом. Горело где-то глубоко в недрах земли. Огонь полз по торфяной толще, на которой слоями лежала болотная жижа с космами травы, с ледяной коркой под ней. Когда страшный подземный жар растапливал и подсушивал эти напластования – они обрушивались на остатки пожара. А сам огонь шел дальше. И ничто не могло его остановить.

Николай Николаевич одинаково любил и Моршанку с ее покосами, и пристроившийся к ней рядышком калтус. И ковыляя, надломленными Севером в ревматических узлах ногами, с разросшимися в суставах хрящами, с тоской озревал он сквозь дождевую пелену, в прострелах громов и молний эту в ранах и болячках землю. Николай Николаевич сначала не мог сообразить, кто его схватил за ногу и повлек в бок. За нею заскользила по глинистому скату и другая ступня. И он по пояс осел в промоину. Водой ее скрыло, и Николай Николаевич не разглядел ловушки. Почти всего себя он истратил, выкарабкиваясь из нее с долгими передышками. Несколько раз его сносило обратно в ямину. Судорожно цепляясь за ее края, обламывая ногти, он все же выбрался наверх. В голове радужно мерцало. Сознание приходило и уходило.

2

Хватились Николая Николаевича Каравайкины уже перед самым ужином. Начали гадать: в каком уголке он пристроился и притих, что даже еда его не притягивает? На улице не переставая гремело и лило.

– Что мы сидим, ведь потерялся наш дедушка, – первой выскочила из-за стола Груша. Глаза ее налились испугом. Еще минуту назад она думала, что вот-вот стукнет дверь и в избу войдет Николай Николаевич. Никуда он не исчезал, а был все время где-то рядом. То ли к кому-то из соседей заглянул и засиделся, то ли на уличной лавочке возле кого-то присел и заговорился.

Что она плетет, какая лавочка в такую погоду. На крыльцо не выйдешь. Тут же накроет дождем.

– Искать его надо скорее, – добавила она, уже осуждающе взглянув на мужа Андрея.

– Не причитай, найдется, – прикрикнул он на нее. – Не можем мы за каждым шагом его следить.

– Валериан!.. ..Мотька!.. ..Где видели последний раз дедушку? Отца я больше не спрашиваю. Дом развалился, он и не стронется со стула, – позвала она сыновей из горницы. – А если ворота закрыты, и он не может попасть в ограду? – высказала она новую догадку, растерянно оглядываясь. – А вдруг это я сама закрыла? Ужо, сбегая, посмотрю...

– Ладно, мама... Сиди уж... – остановил ее Валериан. Он надернул на голову кожаную фуражку, и на ходу заталкивая руки в рукава куртки, выскочил за дверь. Груша не отводила от нее озабоченных глаз: Валериан почему-то долго не возвращался с улицы. Все в ней всплеснулось ему на встречу, когда он вошел в дом. – Нету нигде: ни в ограде, ни на улице, – сказал Валериан, переодеваясь в фуфайку.

– А ворота? Закрыты или открыты? Может, ткнулся в них и ушел куда-нибудь? – справилась Груша с боязливой настороженностью у него. Глаза ее чуть-чуть отмякли при словах Валериана, что калитка была не на замке и, что он по деревне пойдет искать дедушку.

– А я знаю, где он, – выскочил из горницы Мотька, самый младший из Каравайкиных. – На Моршанке... Я слышал... Он говорил об ней. Ругался за пожар...

– В такой-то дождь? Какая неволя погнала его туда?

Груша задумчиво посмотрела за окно. Воздух за стеклами струился живыми потоками. Кто-то кроил и перекраивал небесное полотно, с грохотом рвал его на куски. Лужи клокотали пузырями.

– Я поеду за ним на тракторе, – проговорил твердо Валериан.

– Одного я тебя не пущу, – с замершим сердцем возразила ему Груша, прислушиваясь к улице, к грохоту и стрельбе грома. С угрожающим огнистым блеском в окна заглядывали молнии. Валериан со своим трактором сразу же подставит себя под их стрелы. А каково шлепаться старому человеку под открытым небом. Сможет перенести такую суматошную погоду. Где возьмет силы на всю дорогу? Годы не сбросишь, навалились они всей тяжестью на него. А если уронило его грозой и обездвиженный лежит он в беспомощности на сырой земле?

– Чего сидишь-то, собирайся, – уже приказным тоном сказала Груша Андрею.

– Я же не отказываюсь, – отозвался он, суетясь возле вешалки.

– Никого мне не надо. Будто я дороги не знаю, – бросил Валериан резко матери.

625596

СОДЕРЖАНИЕ

РОДОВА. Роман в четырех книгах

РАСХОЖДЕНИЕ ДУШ. Книга первая 3

Низовский бунтарь	4
Морщины земли	9
Глина и камень	29
Горячие головы	35
Ночные кикиморы	42
Поминальное застолье	47
Козырные ходы	60
Две стенки	66
Чучело огородное	71
Судороги	76
В тумане и слепоте	80
Ведьмины круги	88
Муравьиная библия	94
Распахнутое сердце	100
Пыль житейская	104
Колдовские чары	110
Крики на болоте	126

СПАСИ И ПОМИЛУЙ. Книга вторая 133

Вольный промысел	134
Железный ветер	148
Жестокая отравка	155
Прощальные дни	161
Грозные глаза	175
Лихорадка	181
Высокая гора	189
Огонь пожирающий... ..	203
Во сне и наяву	213
Зарешеченное небо	219
Кричащее молчание	227
Вольный промысел	231

ВЛАСТНЫЙ ЗВУК. Книга третья 241

Угрюмое сердце	242
Городские слезки	245
Два берега	252
Присутственное место	261
Отец Вонифатий	273
И жутко, и дерзко	288
Что за холера, что за чума	294
Порченые люди	301
Низовская сваха	319

КОМУ ГОРШЕ, КОМУ СЛАЩЕ.

Книга четвертая 325

Ночи одиночки	326
Пастырское бдение	342
Страх	357
Золотая пыль	368
Тяжкие грехи наши... ..	379
Красный петух	385
Отрезанный ломоть	397
Живые звуки	406
Дикая орда	412
Черное и белое	419
Черный колокол	427
Затмение и озарение	433
Низовский гонец	444
Небесный жар	453
Неведомые дали	459
Ледяной лик	464

Об авторе 469